

- ⁵ Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке... С. 69.
- ⁶ Kant I. Kritik der reinen Vernunft.//Sämtliche Werke. Leipzig: Verlag von F. Meiner. Bd. 1. S. 224.
- ⁷ Hobbes Th. Leviathan. Cambridge: Univ Press, 1904. P. 110.
- ⁸ Meissner H. A. Philosophisches Lexikon aus Wolf's sämtlichen Werken. Magdeburg: Bayrenthkop, Veirling, 1730. S. 115.
- ⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 387.
- ¹⁰ Hobbes Th. Leviathan... P. 210.
- ¹¹ Meissner H. A. Philosophisches Lexikon... S. 164.
- ¹² Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 114.
- ¹³ Hobbes Th. Human Nature... P. 14.
- ¹⁴ Meissner H. A. Philosophisches Lexikon... S. 59.
- ¹⁵ Eisler R. Nachschlagewerk... S. 58.
- ¹⁶ Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 113.
- ¹⁷ Ibid. S. 187.
- ¹⁸ Hobbes Th. Human Nature... P. 49.
- ¹⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 216.
- ²⁰ Hobbes Th. Human Nature... P. 14.
- ²¹ Eisler R. Nachschlagewerk... S. 37.
- ²² Hobbes Th. Human Nature... P. 49.
- ²³ Kant I. Kritik der praktischen Vernunft.//Sämtliche Werke... Bd. 2. T. 1. S. 78.

КАНТОВСКОЕ УЧЕНИЕ ОБ ИНТУИЦИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

А. Ф. Кудряшов
(Ленинградский горный институт)

Ставя себе задачу анализа кантовской концепции интуиции, пользоваться предметным указателем бессмысленно: Кант не употребляет термина «интуиция». Однако он уделяет большое внимание анализу проблемы всеобщего и необходимого знания, доставшейся ему «по наследству» от его предшественников-рационалистов Р. Декарта, Б. Спинозы и Г. Лейбница. Известно, что учение рационалистов об интуиции тесно связано с решением указанной проблемы, с ответом на вопрос о том, как обосновать исходные положения дедуктивных теоретических систем точного естествознания и математики. Естественно, новое решение проблемы всеобщего и необходимого знания, предложенное Кантом, повлекло за собой и развитие этого учения, разработку глубокой и оригинальной концепции интуиции, концепции, которую Кант «вплетает» в ткань рассуждений о более общих вопросах и для которой он не вводит специфических терминов.

Рационалисты подметили, что истинность аксиом математики, исходных принципов теоретических систем и т. п. не удается обосновать ни опытным, ни логическим путем. Дело в том, что такие положения обладают всеобщим, необходимым характером и потому не могут быть получены путем простого индуктивного обобщения опытных данных, так как всякий опыт обладает лишь относительной всеобщностью и носит вероятност-

ный характер. Вместе с тем такие положения нельзя вывести дедуктивно, так как не существует более общих, чем они, посылок. Поэтому Р. Декарт пришел к выводу, что истинность исходных теоретических положений непосредственно (т. е. без дискурсивно-логического обоснования) «усматривается умом» или, что то же самое, постигается интуитивно. Интуитивное знание обладает самоочевидностью, ясностью и отчетливостью. Интуиция — это врожденная способность человеческого разума¹. Интеллектуальная интуиция, по Декарту, продуцирует непосредственное знание, являющееся исходным для дальнейшего опосредствования, получаемого путем дискурсивных рассуждений. Любое дискурсивное знание базируется на исходных посылках, имеющих интуитивную природу, и невозможно без последних. Интуитивное и дискурсивное связаны между собой, хотя первое обладает приоритетом и является высшей формой знания.

В отличие от Декарта, Спиноза распространяет интуицию и на область дискурсивного мышления, где она выступает как способность к непосредственным (или «ускоренным») умозаключениям. Умозаключение может и не предполагать дискурсивно-логического опосредствования, его результат может быть виден «с первого взгляда»².

Кант выводит взаимосвязь интуитивного и дискурсивного из анализа природы синтетических суждений. Так как они (в отличие от аналитических суждений) состоят из двух разных понятий, невыводимых друг из друга, то для их получения «необходимо прибегнуть к помощи созерцания, посредством которого только и возможен синтез» (3, 111). Понятие и созерцание могут быть эмпирическими, если в них содержится ощущение, либо «чистыми», если к ним не примешиваются никакие ощущения (3, 154). Синтетические суждения могут быть эмпирическими (когда два эмпирических понятия синтезируются при помощи эмпирического созерцания) либо априорными (когда два «чистых» понятия синтезируются при помощи «чистого» созерцания). «Чистые» созерцания могут быть обнаружены путем исключения из эмпирических созерцаний всего того, что принадлежит ощущениям (например, таких свойств, как непроницаемость, твердость, цвет и т. п.), в результате чего остается одна лишь форма явлений, которую Кант считает априорной, не только не зависящей от опыта, но и являющейся условием всякого опыта. Такими «чистыми» априорными формами чувственного созерцания являются пространство и время. Они сходны с эмпирическими понятиями в том отношении, что как те, так и другие объединяют множество эмпирических созерцаний. Но пространство и время *содержат в себе* бесконечное множество эмпирических созерцаний, и в этом их принципиальное отличие от эмпирических понятий, которые представляют собой лишь общие признаки таких созерцаний,

но не содержат в себе последние. Другими словами, это отличие означает, что пространство и время обладают всеобщностью (объединяют все без исключения эмпирические созерцания) и необходимостью (ни одно эмпирическое созерцание невозможно без них), тогда как ни одно эмпирическое понятие не обладает такими признаками. Всеобщность и необходимость априорных форм чувственности делают их однородными с «чистыми» понятиями — категориями (к числу которых относятся причинность, необходимость и т. д.). Последние совершенно неоднородны с эмпирическими созерцаниями и понятиями, и поэтому не могут быть применены к ним непосредственно. И только наличие априорных форм чувственности — пространства и времени — позволяет связать между собой явления и категории, применить к эмпирическим созерцаниям «чистые» понятия, так как такие формы «похожи» и на явления, и на категории. Эти формы позволяют для каждой категории построить «средний член», связывающий ее с явлениями. Этот «средний член» Кант называет *трансцендентальной схемой*. Такая схема есть чувственное понятие предмета, явления, находящееся в соответствии с «чистым» понятием, категорией. Существование чувственных понятий обуславливает возможность априорных синтетических суждений: независимые «чистые» понятия, входящие в эти суждения, связываются между собой не на уровне опыта, а на уровне схемы. Примером такого чувственного понятия может служить «число», являющееся схемой «чистого» понятия «количество». Человеческий рассудок осуществляет схематизацию «чистых» понятий (трансцендентальных схем столько же, сколько категорий, и каждая такая схема базируется на априорных формах чувственности), но механизм ее для нас непостижим. «Этот схематизм нашего рассудка, — пишет Кант, — есть скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть» (3, 223). *Под интуицией Кант и понимает способность рассудка конструировать трансцендентальные схемы.* Интуиция необходима для связи эмпирического и «чистого» знания, для перехода от созерцаний к категориям и наоборот.

В самой природе человеческого рассудка, обладающего всеобщими, необходимыми и не зависящими от опыта понятиями, коренится, указывал Кант, стремление применять понятия за область созерцаний. Реализация такого стремления была бы законна, если бы рассудок обладал интеллектуальным созерцанием, тогда как «наш рассудок может только *мыслить*, а созерцания он должен получать из чувств» (3, 194). Поэтому выход за рамки чувственных созерцаний есть лишь иллюзия познания, и он приводит рассудок к неразрешимым противоречиям. То, что категории имеют трансцендентальное (т. е. выходящее за пределы опыта) значение, говорит о существо-

вании сущности явлений. Отсутствие же интеллектуального созерцания говорит о том, что категории не имеют никакого трансцендентального применения, т. е. о непознаваемости сущности. Из этого следует, что человеческое познание вообще и интуитивное познание, в частности, принципиально ограничены сферой явлений.

В иррационалистских концепциях интуиции этот вывод Канта «переосмысливается» в том плане, что сущность вещей «действительно» неподвластна разуму, но ее познание в каком-то смысле возможно при помощи интуиции как «сверхразума». Не вдаваясь в тонкости (поскольку в дальнейшем мы постараемся сделать акцент на позитивном содержании кантовских идей), такого рода концепции можно разделить на умеренно-иррационалистские (в духе Э. Гуссерля) и радикально-иррационалистские (в духе А. Бергсона). Гуссерль считал, что совокупность общих законов, к которым логически сводится все остальное знание, обосновывается через «аподиктическую очевидность», является результатом интуиции как «феноменологического постижения сущности»³. Сущность вещей, по Гуссерлю, неизменна, она находится вне вещей, их свойств и законов, и интуиция есть «усмотрение» такой сущности⁴. Иррационализм Гуссерля можно назвать умеренным потому, что только сам процесс интуиции непостижим, неподвластен рациональной экспликации, результат же ее допускает логический анализ. Иррационализм Бергсона радикален потому, что, с его точки зрения, ни процесс, ни результат интуиции не поддаются рациональному анализу. Считая «область духа шире интеллекта», Бергсон под интуицией понимает инстинкт, находящийся «внутри жизни», тогда как разум идет в направлении, противоположном «направлению жизни». «Есть вещи,— пишет Бергсон,— которые способен искать только интеллект, но он сам никогда не найдет их. Их мог бы найти только инстинкт, но он никогда не будет их искать»⁵. Интуиция в понимании Бергсона — это высокоразвитая форма инстинкта, которая схватывает вещи изнутри⁶.

В советской философской литературе иррационалистские концепции интуиции были подвергнуты аргументированной критике. Познаваемость и процесса, и результата интуиции — это исходный пункт для всех исследователей, стоящих на диалектико-материалистических позициях. Учитывая результаты анализа феномена интуиции советскими философами в 60—80-е годы, можно выделить две основные концепции интуитивного знания. Первая концепция продолжает историко-философскую традицию рационализма и трактует интуицию либо как форму непосредственного знания, получаемого путем прямого «усмотрения»⁷, либо как форму непосредственного умозаключения⁸. Ее сторонники — В. Ф. Асмус, Б. М. Кедров, И. Б. Михайлова, А. А. Налчаджян, Я. А. Пономарев, Е. Л. Фейнберг и др. Вто-

рая концепция имеет свои историко-философские корни в учении Канта и рассматривает интуицию как нелогический познавательный процесс взаимного перехода от чувственно-наглядного к абстрактно-понятийному. Она развивается в работах В. П. Бранского, В. Р. Ириной, А. С. Кармина, А. А. Новикова, Е. П. Хайкина, В. И. Хорева и др. Так как подробное рассмотрение первой концепции не входит в наши задачи, заметим лишь, что ее можно назвать *феноменологической*, ибо она, описывая интуицию на уровне явления, лишь констатирует, но не объясняет гносеологический факт непосредственности интуитивного знания. Вторую же концепцию можно назвать *нефеноменологической*, так как она раскрывает внутренний механизм, сущность интуитивных актов.

Объяснение интуитивного познания, которое дает нефеноменологическая концепция, позволяет конкретизировать переход от абстрактных понятий к чувственным образам (чувственная, или эйдетическая, интуиция), а также переход от чувственных образов к абстрактным понятиям (интеллектуальная интуиция) при помощи нелогических познавательных процедур, изучению которых отводится важное место в современной методологии научного познания.

Рассмотрим некоторые из этих процедур. В. С. Степин, анализируя происхождение «теоретических схем», показывает, что они имеют нелогическую природу, их нельзя получить ни индуктивными, ни дедуктивными методами. Теоретическая схема сначала строится как «гипотетическая модель», которая затем «накладывается сверху» на эмпирический материал. Такое построение осуществляется за счет элементов старого теоретического знания, используемого в качестве исходного материала. Выбор «абстрактных объектов» старого теоретического знания и «монтаж» из них «гипотетических моделей» являются нелогическими, но тем не менее познавательными процедурами. Если «гипотетическая модель» является интуитивным знанием, то эти нелогические познавательные процедуры можно рассматривать как опосредующие такое знание⁹. К числу таких процедур относится и «челночное движение» между слоем теоретического знания и эмпирическим материалом, необходимое для «конструктивного введения» старых «абстрактных объектов» в новую теоретическую схему¹⁰. Так как теоретическое знание выражается в системе понятий, а эмпирический материал суть совокупность представлений (наглядных образов), то «челночное движение» осуществляет взаимосвязь первых и вторых.

В. П. Бранский, исследуя природу новой фундаментальной физической теории, также вводит ряд нелогических познавательных процедур, опосредующих интуитивное знание. К ним относятся все те операции, которые осуществляются на стадии умозрительного исследования. Это выбор «гештальта», заме-

шение его элементов «идеалами», «генерализация» полученной в результате первых двух операций умозрительной модели¹¹. Нелогической процедурой является также выбор из множества возможных умозрительных принципов, выбор, осуществляемый на основе методологических и философских идей¹². Как процедуры умозрительного исследования, так и процедуры интерпретации гипотезы (приводящие к новым теоретическим и эмпирическим представлениям) суть нелогические процессы взаимосвязи абстрактно-понятийного и чувственно-наглядного¹³.

Таким образом, достижения современной методологии научного познания убедительно показали, что в интуиции нет ничего мистического, и нелогические познавательные процедуры, опосредующие интуитивное знание, могут быть выявлены и проанализированы вполне рациональными методами. Но это не означает, что интуиция относится только к сфере сознательной деятельности человека. Интуиция — и это, пожалуй, единодушное мнение исследователей — характеризуется взаимодействием сознательного и бессознательного. Категория бессознательного появляется при объяснении того факта, что интуитивное знание непосредственно (что на языке психологии отражается терминами «догадка», «озарение» и т. п.). Нефеноменологическая концепция объясняет эту непосредственность тем, что взаимный переход от абстрактно-понятийного к чувственно-наглядному «имеет «скачкообразный» характер, так как в мире субъективных образов человека... не существует никаких третьих (промежуточных) образов, кроме чувственных образов и понятий»¹⁴. Отсутствие таких промежуточных образов и означает, что переход от понятий к представлениям ничем не опосредован, другими словами — непосредственен. Следствие скачкообразности трансформации образов в понятия и наоборот заключается в том, что механизмы такой трансформации не могут быть представлены «в виде системы осознанных познавательных действий — существует некоторый уровень, ниже которого сознательный анализ этих механизмов субъектом становится невозможным... Механизмы перехода от чувственных образов к понятиям и обратно опираются в конечном счете на закономерности нервной деятельности, протекающие бессознательно»¹⁵.

Несводимость научного познания к чисто логическим приемам и методам, а также невозможность «изгнать» из науки нелогические познавательные процедуры имеют онтологическое основание. В самом деле, научное познание тех или иных объектов действительности представляет собой их отражение как со стороны явления (эмпирическое познание), так и со стороны сущности (теоретическое исследование). Всякое явление наблюдается — в том смысле, что в принципе может взаимодействовать с органами чувств или с их «продолжением» (с при-

борами). Его познание основано на обобщении чувственно-экспериментального материала. Сущность же ненаблюдаема — в том смысле, что не может взаимодействовать ни с органами чувств, ни с приборами, если предметная область изучаемых явлений *фиксирована*. Познание сущности возможно лишь на уровне абстрактно-понятийного мышления, использующего разнообразные методы построения и преобразования понятийных конструкций. Законченная научная теория совмещает описание объектов со стороны явления и понятийную конструкцию, отражающую их сущность. Такое совмещение приводит к объяснению известных и предсказанию новых явлений и предполагает, очевидно, взаимодействие чувственного и понятийного (взаимодействие, осуществляющееся в форме различных познавательных процедур).

Таким образом, вывод, что нелогические процедуры необходимы для познания сущности объектов, находится в прямом противоречии с утверждением Канта о непознаваемости сущности и о том, что интуиция принципиально ограничена сферой явлений. Под неэмпирическим знанием Кант понимал — и в этом его ошибка — знание, выходящее за рамки «явлений вообще» (и ему пришлось сделать вывод, что хотя такое знание существует, но оно не имеет никакого познавательного смысла). С точки зрения современных представлений, неэмпирическое знание всегда *относительно* к эмпирическому знанию, оно выходит за рамки не «явлений вообще», а явлений, составляющих конкретную изучаемую предметную область. Пользуясь терминологией Канта, можно сказать, что познание сущности начинается с построения понятий, трансцендентальных изучаемым явлениям. То, что эти понятия должны объяснить последние, а также предсказать какие-то неизвестные явления, уже означает актуальную или потенциальную связь таких понятий с представлениями (отражающими объясняемые и предсказываемые явления). В этом смысле теоретик не только мыслит, но и созерцает. Правда, речь здесь идет не об «интеллектуальных созерцаниях» в смысле Канта. Их действительно нет, так как человеческий разум не обладает чувственными образами, имеющими неэмпирическую природу в абсолютном смысле, т. е. такими образами, которые не связаны с какими бы то ни было явлениями. Но для того чтобы раскрыть сущность конкретной предметной области, такое обладание и не является необходимым; для этого требуется лишь, чтобы теоретик смог наглядно представить как объясняемые, так и предсказываемые явления. Представления, которыми оперирует теоретик, выходят, вообще говоря, за рамки явлений, образующих изучаемую предметную область, и в этом смысле трансцендентальны ей. Возможность такого выхода обусловлена тем, что теоретик изучает всегда фиксированную предметную область, а не «мир вообще». Если трансцендентальными в абсолютном смыс-

ле представлениями мог бы обладать, по выражению Канта, лишь нечеловеческий рассудок, то трансцендентальные в относительном смысле представления присутствуют в любых теоретических построениях. Сущность принципиально ненаблюдаема лишь в фиксированной предметной области, если же выйти за ее рамки, то сущность может быть наблюдаемой. Например, представление о молекулах газа трансцендентально явлениям диффузии, броуновского движения и т. д. Но это представление превращается в эмпирический чувственный образ, если рассматривать молекулы в электронный микроскоп.

Следует подчеркнуть и еще одно важное различие между кантовской и нефеноменологической концепциями интуиции. Кант говорит о синтезе эмпирических представлений и *категорий*, а в нефеноменологической концепции речь идет не о категориях, а о *научных понятиях*. Это могут быть либо эмпирические понятия (и тогда познание ограничено сферой явлений), либо теоретические понятия (и тогда познание направлено на раскрытие сущности). Научные понятия *не совпадают* ни по содержанию, ни по происхождению с философскими категориями. Хотя философия и играет эвристическую роль в формировании научных теорий (и в настоящее время это совершенно очевидно), но философские понятия никогда прямо не переносятся в науку. Если философские категории отражают атрибуты объективной реальности (и в этом смысле описывают «мир вообще»), то сфера приложения научных понятий всегда ограничена, они отражают не объективную реальность как таковую, а некоторый ее фрагмент.

Таким образом, позитивное содержание кантовской концепции интуиции вошло в ткань современных представлений о сущности этого гносеологического феномена, было развито и конкретизировано в диалектико-материалистической методологии научного познания.

¹ См.: Декарт Р. Начала философии//Антология мировой философии. М., 1970. Т. 2. С. 233.

² Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке//Там же. С. 375—376.

³ Гуссерль Э. Логические исследования. Спб., 1909. С. 52—53; Он же. Философия как строгая наука. М., 1911. С. 55—56.

⁴ См.: Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967. С. 27—28.

⁵ Бергсон А. Творческая эволюция. М.; Пг., 1914. С. 136.

⁶ См.: Бунге М. Указ. соч. С. 22—23.

⁷ Асмус В. Ф. Непосредственное значение//Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 56.

⁸ См.: Кедров Б. М. О теории научного открытия//Научное творчество. М., 1969. С. 140.

⁹ См.: Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. С. 82; Степин В. С., Томильчик Л. М. Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970. С. 45.

¹⁰ См.: Степин В. С., Томильчик Л. М. Указ. соч. С. 58.

¹¹ См.: Бранский В. П. Философские основания проблемы синтеза релятивистских и квантовых принципов. Л., 1973. С. 40—45.

¹² См. там же. С. 46, 69.

¹³ См. там же. С. 52—53.

¹⁴ См.: Бранский В. П. Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. Л., 1962. С. 108.

¹⁵ Кармин А. С. Интуиция и ее механизмы//Проблемы методологии науки и научного творчества. Л., 1977. С. 64.

АТЕИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ КАНТОВСКОГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ИДЕАЛА

В. Д. Шмелев

(Уральский лесотехнический институт)

В религиозной доктрине И. Канта кардинальное место занимает понятие трансцендентального идеала. Раскрывая его содержание, кенигсбергский мыслитель показывает некоторые гносеологические корни религиозных представлений, формулирует отправные пункты нравственного учения, предлагает специфическое решение проблемы человеческого предназначения. Именно здесь отчетливо проступают гуманистические и атеистические идеи кантовской философии, ставящие ее в один ряд с другими выдающимися творениями идеологов буржуазии. Эти идеи чрезвычайно актуальны в наше время, когда религия утрачивает свое влияние на массы, а реакционные империалистические круги стремятся использовать религиозную идеологию в корыстных политических целях. В этих условиях научный атеизм не может обойтись без опоры на достижения предшествующей атеистической мысли. Для него, подчеркивал В. И. Ленин, союз с прогрессивными буржуазными теоретиками «...обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами»¹.

В рамках небольшой работы невозможно осветить все грани атеистических взглядов И. Канта. Это задача всестороннего, монографического исследования. В данной статье мы ограничимся анализом трансцендентального идеала чистого разума и логически следующих из него атеистических выводов. Трансцендентальная диалектика, в которую входит идеал, играет важную роль в концепции И. Канта. Она характеризует труднодоступную область философского мышления.

Современная марксистская интерпретация трансцендентальной диалектики И. Канта весьма богата и многогранна. Она представлена трудами Т. И. Ойзермана, И. С. Нарского, Л. А. Абрамяна, О. Г. Дробницкого, Л. М. Архангельского, А. Ф. Шишкина, Б. Э. Быховского и других исследователей². В работах этих ученых идеал рассмотрен в свете различных форм общественного сознания. Пожалуй, больше всего внимания в них уделено его этическому содержанию. Вместе с тем идеал достаточно глубоко изучался и в теоретико-познаватель-